

Евгений Попов

Евгений Анатольевич Попов (1946) – писатель. В 1962 году в родном Красноярске за участие в самиздатовском журнале был исключён из комсомола, в котором, однако, никогда не состоял. Окончил Московский геологоразведочный институт. Первая серьёзная публикация – в журнале «Новый мир» (1976). Был принят в Союз писателей СССР (1978) и через несколько месяцев из него исключён – за участие в создании неподцензурного альманаха «Метрополь». Восстановлен в Союзе писателей в 1988 году. С тех пор широко печатается во многих российских и зарубежных изданиях, лауреат многих литературных премий, в том числе «Триумф» и «Большая книга» (2012, совместно с Александром Кабаковым, за книгу «Аксёнов»). Заслуженный работник культуры Российской Федерации, президент Российского ПЕН-Центра.

ТРИ РАССКАЗА С КОММЕНТАРИЯМИ АВТОРА

Предуведомление

Меня зовут Евгений Попов. См.: <http://www.cultin.ru/writers-popov-evgenijj-anatolevich>

Бог определил мне длинную литературную жизнь, Первый мой рассказ опубликовали в газете «Красноярский комсомолец» (1962 год), когда мне было 16 лет. Сейчас мне 72. $72 - 16 = 56$.

Нужно прямо сказать, что я слабо воспользовался Божьим даром. Нобелевскую премию не получил, написал всего лишь две сотни рассказов, переведенных на разные языки, несколько романов, пьес, множество так называемых «эссе». Мог бы постарательнее трудиться, но поздно уже об этом говорить. К тому же подлинная ценность литературных произведений не в количестве, а в качестве.

Зато жизнь эта была весьма бурной и содержательной.

Меня после школьного дебюта долго не публиковали. Я проснулся знаменитым, когда в 1976 году у меня вдруг напечатали в ОФИЦИАЛЬНОМ СОВЕТСКОМ ЖУРНАЛЕ «НОВЫЙ МИР» два рассказа с предисловием великого мастера литературы и кино Василия Макаровича Шукшина, написанным за два года до его ранней смерти. Я стал скандально знаменитым, когда вместе с Василием Аксёновым, Андреем Битовым, Виктором Ерофеевым и Фазилом Искандером создал в 1978 году легендарный альманах «МетрОполь». Василий Аксёнов – второй мой литературный учитель наряду с Василием Шукшиным. Аксёнов – мой старший друг, товарищ и брат. Мне везло и везет в жизни на хороших людей. Я знал прославленных классиков – Астафьева, Ахмадулину, Бродского,

Евтушенко, Вознесенского, Домбровского, Катаева, Каверина, Трифонова, по мере сил опекаю теперь самых талантливых из «молодых писателей».

За альманах, отвергнутый советскими издательствами, но напечатанный в США, меня исключили из Союза советских писателей, где я пробыл рекордно короткое время – всего лишь 7 месяцев 13 дней. Однако за все нужно платить, запомните это и не горюйте, когда сделаете какое-либо доброе дело, а вам за это отомстят.

«Полярную звезду» я написал, когда был относительно молодым человеком и, работал в Сибири, окончив знаменитый Московский геологоразведочный институт. Этот рассказ гениально читает великий СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ.

См. <https://www.youtube.com/watch?v=vNkwc4w-bEc>

В этом рассказе, равно как и в двух других, многое выдуманно, кроме того, что все это случилось в моей родной стране, из которой я никогда не хотел уезжать, потому что другой родины у меня нет, не было и не будет.

Барабанщик и его жена, барабанщица

Жила-была на белом свете одна тихая женщина-инвалид, и жил на белом свете вместе с нею один бойкий барабанщик из похоронного оркестра.

Эта женщина однажды проживала с мужем в городе Караганда Казахской ССР и ехала в рейсовом автобусе на работу. И тут у автобуса заглох мотор на переезде, а поезд был слишком близко.

И поезд налетел на автобус, делая кашу и железный лом. И барабанщица вылетела из автобуса.

Во время полета ей разбило голову кованым сапогом, и кости торчали наружу, после чего она что-то все стала бормотать, бормотать, бормотать, а также читала всего лишь одну книгу. А именно: Расул Гамзатов — «Горянка», где он описывает новые отношения между людьми в республике Дагестан и борьбу за их женское равноправие.

Эту книгу она купила в больничном киоске непосредственно после травмы. И никогда больше с ней не расставалась.

После несчастья многие отвернулись от женщины, и первым из них был ее родной муж.

А барабанщик всю жизнь играл на барабане. Он и на фронте бил в барабан, и после войны бил в барабан. Он сильно пил. Он пил, пил, пил и допился до того, что стал играть в похоронном оркестре, где ходил за гробами с музыкой.

И от него тогда тоже многие отвернулись.

Вот тут-то они и сошлись с женщиной, и стали жить на улице Засухина во времянке.

Зимой во времянку задувало, но ярко горела печь. А летом у них в садике цвела черемуха, и можно было дышать. Правда, барабанщик все пил да пил, и женщина все бормотала.

А красивая была женщина — черноволосая, стройная.

А барабанщик, кроме игры на барабане, изучал вопросы прочности окружающих предметов. Он сильно сокрушался, что нет на земле прочных предметов. И что если есть вроде бы прочный предмет, то обязательно имеется предмет еще более прочный, который может разрушить первый предмет.

— Ведь если бы не это, твоя голова не была бы расшиблена кованым сапогом, — говорил он барабанщице.

И та с ним соглашалась.

Ввиду неуспешных поисков смысла прочности барабанщик пил все больше и больше. И вот однажды он в полном отчаянии замахнулся на святая святых: он забрался на барабан и стал по нему прыгать. Пробуя.

А женщина сидела на кровати.

Она тихо сидела на кровати и читала любимую книгу. Тихо тикали ходики. Деревянные стены времянки были аккуратно выбелены. В углу висел рукомойник и стояло поганое ведро. На полу лежал половичок.

А барабанщик все прыгал и прыгал, а сам был маленький и толстенький. Он прыгал-прыгал да и прорвал барабан, — свой хлеб, свое пропитание.

Он тогда очень огорчился и стал поступать нехорошо. Он стал обвинять барабанщицу в том, что она испортила ему жизнь.

— Если бы не ты, дура, я бы сейчас играл в Большом театре. Я тебя могу побить.

Тихая женщина очень испугалась. Потому что они жили долго, и он с ней никогда так не говорил. Она взяла с собой книжку и убежала на улицу.

А на улице была ночь и плохо горели фонари, так что бежать можно было лишь сильно отчаявшись.

Барабанщик понял это, и ему стало очень стыдно. Он тогда пошел к водопроводной колонке, а сам был волосатый. Он разделся, облился холодной водой, вернулся в дом и вспорол пуховую перину.

Вывалялся весь в пуху и пошел искать барабанщицу.

Он нашел её под завалинкой. Она дрожала от страха и смотрела в темноту из темноты.

— Ну, что ты боишься, дура? — сказал пуховый барабанщик. — Ты не бойся.

Барабанщица молчала.

— Ты не бойся, лапушка, — сказал барабанщик, который был бойкий. — Я не намазался дегтем, я не намазался медом. Я облился водой, и тебе будет легко отмыть меня. Ты хочешь меня отмыть?

— Хочу, — ответила женщина.

Она вылезла из-под завалинки и забормотала: «Хочу, хочу, хочу».

И они вернулись в дом. Барабанщик обнял барабанщицу. Она нагрела воды в большом баке. Вылила воду в корыто и стала отмывать барабанщика.

А он сидел в корыте и пускал ртом мыльные пузыри, чтобы барабанщица не плакала, а смеялась.

Название явно навеяно песней Булата Окуджавы, где есть такие слова: «...где же, где же, барабанщик, барабанщица твоя?».

... в городе Караганда Казахской ССР. – До 19 декабря 1991 года суверенное государство Республика Казахстан входило в состав СССР.

Расул Гамзатов (1923–2003) – дагестанский поэт. Лично мне симпатичен. Потому что когда меня вышибали из Союза писателей в 1979 году, этот аксакал сидел на секретариате Союза писателей немного выпивши и время от времени восклицал во время моей перепалки с противным партийным боссом Феликсом Кузнецовым и другими писательскими начальничками: «Ай, молодца! Хорошо сказал!» – «Заткнись, пьяная морда!» – шипели ему коллеги.

...поганое ведро... – так у нас в Сибири именовали помойное ведро.

Жду любви не вероломной

У нас в слободе Весны жил один мужик по имени Васька Метус, и у него была жена.

— Ну и что? — скажете вы. — Многие живут в этой слободе, и почти у всех есть жены.

А то, что он свою жену ужасно ненавидел и хотел бы от нее избавиться.

— Ну и что! — опять скажете вы. — Многие ужасно ненавидят своих жен и хотели бы от них избавиться.

А вот то. Слушайте. Многие-то многие, а Метус при живой жене взял да и привел в дом еще одну.

Он привел ее и оставил в сених. А сам зашел в избу.

Дома сидели его как бы существующая жена Галька и мама-старушка Метуса Макарина Савельевна, которая считала сына дураком, несмотря на то что он ее кормил, поил и одевал в ситцевые платья.

Женщины лузгали семечки.

Пело и играло радио. Тикали ходики. Мурлыкала киска, и домашние накинулись на Ваську, что тот пьяный.

— Ты где шляешься, сволочь?!

— Где? — переспросил Метус и сам ответил где.

Женщины закрутились по кухне и думали, что Васька сейчас их начнет гонять.

Но он их бить не стал, а, напротив, сел за кухонный стол, покрытый клеенкой, и сказал заплетающимся языком:

— Г-глина! Мне нужно обсудить с тобой очень важный вопрос.

— Вопрос-вопрос! Что еще за вопрос! Куды? Ложись лучше спать, Васенька, а завтра поговорим, — отвечала Галина голосом плачущим и явно приготовленным на случай Васькиных побоев.

— Сядь! Сядь, баба! — строго и величественно повторил Василий и запел:

*-Жду любви не вероломной,
а такой большой, огро-мной!*
Поняла?

— Нет, не поняла, — отвечала Васькина жена Галина, торговавшая продовольственным товаром в ларьке Заготскота.

— Ну так сейчас поймешь. Я тебе все объясню, — посулился Василий.

И объяснил, что Галина пускай ступает с богом к себе домой или еще куда-нибудь, куда она хочет, поскольку он ее не только не любит, не только не видит в ней своего или вообще какого-либо идеала, но даже имеет новую претендентку на ее место.

— Так что все. Хоре. Пожили рядком, разойдемся ладком.

Васька привел неизвестно откуда взятую пословицу и думал, что все уже, что дело, так сказать, в шляпе.

Но не тут-то было.

— Ой-ой-ой! Ой, глаза бы мои на свет не глядели! — завывала Галина. — Мы ж... Мы ж... Мы ж с тобой муж и жена! Ва-асень-ка!

Крик, плач.

— Мы с тобой никогда не были муж и жена. Ты врешь. Мы с тобой подженились, так вот это точно, мы с тобой подженились, а сейчас я тебе даю развод, — пояснял Василий формальную сторону вопроса.

Пояснял, пояснял, а сам тем временем отворил дверь в сенцы, где притаилась его новая претендентка, и крикнул:

— Подь. Подь сюда!

Новая претендентка оказалась так, ничего себе, а в темноте сенок вообще выглядела некоторой даже красавицей. Галина, увидев это, завывала еще пуще, и сенная красавица вступила в дом.

Она злобно посмотрела на Галину, потом — в угол, где висела икона, а потом бухнулась в ноги Макарине Савельевне.

— Простите, мама! Простите нас. Падай, падай и ты, Василий! — забила и зарыдала она.

Все рыдали и плакали. Даже Метус пустил слезу. Но на колени он, правда, падать не стал. Он обнял свою старую бывшую подженку, поцеловал ее на прощание и стал выталкивать за дверь.

Все рыдали и плакали, лишь старушка мама сохраняла полное спокойствие.

— Ты дурак, — сказала она сыну.

— Ну почему? — обиделся тот.

— Дурак. Дурак. Падай, Вася. Падай! — соглашалась новая жена, колотясь головой об пол.

Так они и зажили. Славно зажили. Только в первую ночь и проявились вышеописанные неудобства, связанные с переменами и перестановками. А потом все устроилось: Галина убралась к себе на другой конец слободы, где жили ее родители. Убралась и вскоре, по слухам, вышла замуж за солдата из стройбата, квартировавшего в их избе. Солдат обещал на ней жениться, лишь только кончится срок его действительной службы. На Метуса она при встрече подчеркнуто не смотрела.

А новые молодые Метусы зажили удивительно ладно и славно, несмотря на то что Валя, так звали претендентку, оказалась рябенюкая. Она в детстве как-то болела оспой, и у нее от оспы остались рябинки на лице.

— Да при чем тут воспа, — горячо и возбужденно говорил Василий матери. — Мало ли у кого на харе черти в свайку играли.

А Макарина Савельевна в ответ на это всегда ему резонно:

— Дурак ты и есть дурак.

— Ты посмотри, какая она работница, — хвалился Васька.

А жена Валя действительно оказалась очень работающая. Она завела поросюшку и телку и очень хорошо их кормила помоями и объедками, которые приносила из столовой. Она работала в столовой. Мыла посуду.

Кормила, поила, холила, и поросенок с телкой росли, как навитаминенные.

И о Ваське успевала позаботиться, и о Макарине Савельевне. В общем, взяла дом в свои руки. Василий иногда не знал даже что и как. Что есть в доме, чего нету. И Макарина Савельевна не знала. А Валька знала.

Славно зажили. И ладно было, и хорошо, а нет-нет да Василий запоет свою прежнюю песню:

— *Жду любви не вероломной, а такой большой-огромной...*

— Уж ты и не пел бы так, Васенька, а то сглазишь наше счастье, — говорила жена, льстиво прижимаясь к могучей груди незаконного мужа.

— А я пою. Пою — и все, — упрямо отвечал Василий. — Пою потому, что жизнь разнообразна и может быть все. И с тобой мы оч-чень даже просто можем расстаться. Как в море корабли.

— Ну уж, — пугалась жена.

— Да. Я пою. Все может быть. И знай, что ты для меня вовсе не идеал.

И ведь действительно — он оказался прав.

Потому что в один прекрасный день приходит на двор какой-то мужик и велит отдавать поросюшку и телку, поскольку «Валентина Ивановна мне этих животинок продала через нотариуса».

И мужик стал совать всем в нос какую-то бумагу с гербовой печатью.

— А вот этого ты не видел? — Метус показал, что мог увидеть мужик, и опрометью кинулся по месту работы в столовую, а там выяснилось, что его якобы жена уже уволилась.

— И неизвестно, куда отбыла, — хохотали ее нахальные товарки.

Неизвестно. Это сначала было неизвестно. Телку и поросюшку пришлось отдать, потому что против гербовой печати не попрешь — можно поломать рога, а мужик в следующий раз привел с собой еще и милиционера.

Мужик этот, кстати, оказался ничего. Он имел дом — будку путевого обходчика и решил обзавестись хозяйством. Он сказал, что, может быть, даже и понимает Метуса, но поскольку деньги заплачены, то он тут ничего не может поделать.

Так что пришлось отдать. И только потом обнаружилось мошенничество, а именно, что Валька была в сговоре с путевым обходчиком. Выяснилось, что они обо всем уже давным-давно договорились и только ждали, по-видимому, когда подрастет телка. Теперь они стали жить одним домом, в будке, а Васькина любовь таким образом кончилась и разбилась, как стеклянный шар. И Метус, ошалев от всего этого, говорит маме:

— Вот видите, мама.

А старушка ему в ответ одно:

— Это все потому, что ты — дурак.

— Жду любви не вероломной... — запел тогда Метус и стал сажать в поле картошку, поскольку была весна. Он посадил целых десять соток картошки, да и в огороде еще чуть не полный мешок.

Кроме того, он хотел затеять судебный процесс со своей бывшей Валентиной Ивановной по случаю, что она украла у него всю скотину, но та одумалась, испугалась и сама отдала ему по сговору 125 рублей.

На эту сумму Метус купил себе мотоцикл. Мотоцикл был очень старый и весь какой-то ржавый, но обладал одним важным достоинством: сзади для пассажира у него имелось шикарное черное мягкое прекрасное пружинное седло от трофейного мотоцикла БМВ.

Скоро и пассажиры нашлись, потому что Метус опять женился. Как он в этот раз женился — все равно и, пожалуй, даже и не имеет значения. Одно можно сказать, что последняя жена была ничуть не хуже, чем две первые. И не рябая, и не косая, а только чуть-чуть похожая на швабру.

Ну Метус жил себе да жил. И совершенно бесстрашно пел свое «Жду любви не вероломной».

Ну и вот. И настал август месяц, когда падает желтый лист и синееет воздух, когда перелетные птицы собираются домой, когда картошка уже окучена и нужно подумывать о том, как ее убирать и где доставать грузовик, чтобы вывезти урожай с поля.

А на грузовике ездил стройбатовский солдат по имени Рафаил, восточный человек.

Они как-то раз пришли, Рафаил и Метус, к Метусу домой и стали выпивать и договариваться.

Они пили, и жена не вмешивалась, потому что ее не было дома, а старуха молчала, потому что ей было все равно.

Они пили и договаривались, а потом Метус стал жаловаться, что мотоцикл весь ржавый и очень скрипит.

— И выхлопная труба погнутая, — огорчился он.

— Кольца, поршни, аккумулятор — все должно быть новое, а тогда — пускай! — Рафаил рубанул ладонью воздух.

— Не работает машина.
Не заводится стартер,
Из кабины вылезает
Разободранный шофер, —

спел Матус.

И они еще выпили.

— Кольца, поршни, труба — все это есть, — сказал Рафаил.

— Где? — удивился Метус. — Нигде нету.

— Э-э, бяшка! — восточный человек скривился. — У меня в городе есть земляк, а у него есть кольца, поршни, моршни, чистим, блистим — у него все есть.

— Вот везет же вам, — восхитился Метус. — Везде у вашего брата земляки.

И сразу же стал хлопотать.

— Мама, — сказал он официально, — скажите моей жене, что пусть она не волнуется, а мы едем в центр за запчастями.

Мама молчала.

— Все для вас же. Стараешься, стараешься, — объяснил Василий, вытягивая из комода семейные сорок рублей. — Мы к вечеру будем.

— Мы на машине, — пояснил солдат Рафаил.

И поехали. А к вечеру не вернулись.

Не вернулись и утром.

Тогда новая молодая старухе Макарине и говорит:

— Мама, может, их ГАИ забрала.

— Нет, доча, ГАИ их не может забрать, потому что Рафка военный человек. Их может забрать только ВАИ, а тогда Ваську бы отпустили, потому что он — штатский, — отвечала мудрая старуха.

И добавила:

— Поди забурились куда, паразиты.

И точно, забурились, да как еще. К вечеру пришел к ним солдат Рафаил. Вот именно что пришел, а не приехал. Он держал в руках гитару с пышным красным бантом и отнесся непосредственно к Макарине Савельевне, сказав:

— Все, мамаша. Не плачьте и не рыдайте, а ваш сын сидит в КПЗ и получит на полную катушку.

И рассказал ужасный случай, как опять подвела Матуса «жду любви не вероломной».

...Они никаких запчастей, конечно, не нашли, потому что жена земляка, здоровенная бабища, сказала, что он куда-то уехал.

— Да куда же он мог поехать? Зачем ему куда ехать? — засомневались друзья.

— А я скудова знаю, — сказала бабища и непустила их в дом.

Они тогда стали ждать и пошли в парк культуры и отдыха, где играл духовой оркестр, где читали лекции про Марс и космонавтов, а также продавали стаканами розовый портвейн.

В решетчатой беседочке, увитой плющом.

— Жду любви не вероломной, — вскоре запел Матус и тряс Рафаила за плечо, а тот открыл один глаз и пробормотал:

— А! Отстань, ара. Дай отдохну.

И положил голову на стол.

А Метус тогда вышел на симпатичную парковую дорожку, посыпанную гравием, и стал гулять, любясь окружающей его культурой, а также отдыхом.

И вдруг — да, вот именно вдруг, а не как-нибудь — ни с того ни с сего он увидел ту, которую ждал, по-видимому, всю жизнь.

— Жду любви не вероломной, — снова запел он, приближаясь к женщине.

— Да? — хрипло спросила та, которая имела под глазом синяк, прекрасные черные волосы, серьги, накрашенные губы и папиросочку в них. Чулок у ней был спущен, а так весьма хороша собой и грациозна, как лань. — Да? — переспросила женщина и сказала: — Ты мне шаньги не крути, понял?

— Ты не лайся, я тебя люблю. Ух ты хорошая, — обнял ее Метус.

— Ишь ты! — женщина захохотала, как залаяла. — Хочется. Хочется, а у тебя шалыжки есть?

— Есть, — сказал простодушный Метус. — Вот.

И показал женщине десятку.

— О! Вот молодец! — женщина стала совсем своя и запела:

Говорит старик старухе:

«Ты купи мне рассыпухи,

А не купишь рассыпухи,

Я уйду к другой старухе»...

Э-эх, э-эх.

— А такой большой-огромной, — вторил ей Метус.

Потом они пили рассыпуху в той же беседочке, увитой плющом, где Рафик уже отдохнул и беседовал с какими-то людьми, бешено вращая кистями рук. Он поздравил Метуса, сладко чмокнул, посмотрев на даму, и выпил за их здоровье.

Потом он остался в беседочке, а они шатались по симпатичным дорожкам, обнимаясь, куря и веселя своим обликом отдыхающую молодежь.

И шло время. И упала на землю ночь, усеяв темное небо мелкой сыпью звезд, и месяц светил. Светил, светил и освещал справляемый в центре парка, в кустах, непосредственно за гипсовой статуей оленя, нехитрый праздник любви Василия Метуса и черноволосой гражданки.

Видите ли, милиционер. А ему, очевидно, донесла парковая уборщица. Милиционер помешал. Он подошел, он обнаружил влюбленных, извлек Метуса, поставил на ноги и довольно мирно посоветовал:

— Ты, мужик, лучше вали отсюда подобру-поздорову.

А гражданке сказал:

— А ты, Танька, если еще раз тут появишься, то я тебе, бичухе, остригу голову.

— А что я, — заныла Танька.

Что бы Метусу послушать опытного человека, разыскать Рафаила да и валить, валить, рвать когти.

А он взял да, как дурак, заорал на милиционера, кинулся на него, как бык, и ударил влюбленным кулаком по голове.

Милиционер засвистел, Метус еще приложился. На свистки явился Рафик и удержал Метуса от дальнейших необдуманных поступков.

Но как он ни уговаривал, как ни просил милиционера, как ни сулил ему горы золотых восточных денег, тот был непреклонен, и Метуса повезли.

— Он очень обиделся, — объяснил Рафаил. — Ну а вы, спрашивается, не обиделись бы, мамаша, если вас при исполнении служебных обязанностей шарахнули кулаком по голове за ваш же добрый совет?

Старушка заплакала и сказала:

— Я говорила, что он — дурак. Может, его хоть в дурдом посодят, а не в тюрьму?

— Не знаю. Не знаю. Сушите сухари лучше. Что же делать?

И Рафаил ушел, предварительно добавив и пошутив:

— Не плачьте, мама, а то я вам урюку не пришлю.

Так и пошел куда-то с гитарой. Про свою машину даже ничего не рассказал, куда она у него девалась.

Не плачьте, говорит, а как тут не плакать? А?

И старуха плакала. Она плакала, но уже собирала первую передачу: картошечка, огурчики, сухарики.

— Как ты думаешь, Марья, огурчики разрешат ему? — спрашивала она молодайку.

Но та окаменела. Она, как услышала, что произошло, то сначала вся покраснела, а потом окаменела и замолчала.

Она молчала несколько дней, а потом плюнула и стала со страшной силой возить для дома сено, дрова, копать картошку.

Потом она съездила в город и завербовалась у вербовщика на остров Шикотан потрошить рыбу. На суд она не пошла.

— Извините, мама, — сказала она, кланяясь старухе. — Я вам буду посылать немножко, а с Васькой я жить не могу, потому что он — паразит.

— Дурак он, — сказала старуха.

К этому времени все стало известно. Был суд. И Васька получил полтора года. Но обещали, что если будет вести себя хорошо, то могут выпустить «по половинке» или отправить «на химию».

— А то еще, гляди, и амнистия какая выйдет, — утешали люди Макарину Савельевну.

И вот теперь Васька сидит за колючкой. Жёны его — кто где. Рафаил демобилизовался и уехал.

Ваське дали полтора года, и никто не знает, что он будет делать, когда вернется. Начнет, наверное, с того, что опять подженится.

А сейчас — он никому не нужен. Так, по-видимому? Кому он нужен? Жены — нет. Рафаил уехал. Так, по-видимому?

Нет, не так.

Ибо старушка мама Макарина Савельевна молча и упорно дожидается своего дурака, которого она родила, растила, купала в корыте, где он говорил «гули-гули», нянчила, покупала ему букварь и стегала ремнем за двойки из школы.

Дождается, надеясь на деньги с далекого острова Шикотан, на урюк и на господу Бога.

Дождается, питаюсь картошкой, солеными огурцами, свеклой, капустой, грибами — словом, всем тем, за что не нужно платить ни копейки денег и что бесплатно растет у хозяев на родной земле.

Этот рассказ вместе с рассказом «Барабанищик и его жена, барабанищица» был напечатан в 1976 году в журнале «Новый мир» с предисловием Василия Шукшина.

***Жду любви не вероломной, /а такой большой, огро-мной!** – из песни Владимира Шаинского (1925–2017) на слова Михаила Танича (1923–2008) «Осенний лес», которую часто исполняли по радио. Сведения эти я получил из Интернета, благодаря моим ФРЕНДАМ из «Живого Журнала», за что я их благодарю.*

***Заготскот** - советская организация, занимавшаяся разведением и убийством крупного рогатого скота и овец.*

***Хоре** – хорошо (сиб.).*

***...черти в свайку играли.** – «Ряб, будто черти у него на рожге в свайку играли» (В.Даль, Пословицы русского народа). Свайка – старинная игра, состоящая в том, что толстый гвоздь с большой шляпкой нужно броском вонзить в землю, попав в середину лежащего на земле кольца.*

***...стеклянный шар.** – «Как шар стеклянный этот мир разбился/ И растворился в суете сует» (Джон Байрон (1788 – 1824). Дон Жуан. Перевод Татьяны Гнедич (1907 – 1976)).*

***Разободранный шофёр...** – в жизни, конечно, пелось это куда грубее. Но для литературы – вполне достаточно.*

***КПЗ** – камера предварительного заключения. Теперь называется изящнее – ИВС, изолятор временного содержания.*

***...ара...** – вроде бы из азербайджанского языка. Приятель, что ли?*

***...бичуха...** - особа женского пола и предосудительного поведения*

***шалыжки** – деньги (жаргон)*

рассыпуха – дешевое крепленое плодово-ягодное вино. Сейчас такую мерзость, слава Богу, не выпускают. Сейчас вообще многое изменилось. Правда?

Полярная звезда

Тут недавно в Швеции опять Нобелевские премии давали за картины, и не явился один лауреат, фамилию которого я называть не стану, а звали его – Витя.

Его они очень долго ждали, держа доллары в руках, но он все равно не явился. Ни туда, ни сюда, ни оттуда, ни отсюда – он никуда больше не явился. И никто про него никогда ничего уже больше ни от кого не слышал, потому что он, несмотря на знатность, был холост и одинок, весь себя отдавая лишь своей замечательной работе.

А случилось с ним вот что. Будучи юношей, он жил в Сибири, где и занимался борьбой дзюдо и учебой в художественном училище.

И вот однажды вечером он идет домой на квартиру по висячему мосту через речку Качу, а его на мосту встречает бедно одетый хулиган. А он и сам был одет достаточно скромно, в кирзовые сапоги.

Хулиган злобно посмотрел на бедного юношу, почти подростка, и грубо приказал, указывая на его старенький этюдник:

– А ну покажь, что у тебя в сундуке, пфимпф!

Витя же ему совершенно ничего не ответил. Он в эти секунды глядел, ошеломленный, на одинокую Полярную звезду, указывающую с неба путь заблудшему человечеству. Какое-то озарение охватило внутреннюю душу будущего мастера, и он прошептал сам себе:

– Полярная звезда!..

– Покажь портфель, падла-курица! – наступал на него хулиган.

Но юноша все не слышал: невыразимым томлением и сладкой болью была наполнена его внутренняя душа. Неземным томлением и такой болью, которые имеют право наполнять лишь душу человека, который рано или поздно получит Нобелевскую премию. Так что он хулигану и опять не ответил.

А хулиган тогда зашипел по-змеиному и стал кружить вокруг художника. А художник молчал и его не видел.

– Ну, я тебя щас резну! Ну, я тебя щас свисну! – вскричал тогда хулиган и занес над будущим лауреатом невооруженный, но пудовый кулак.

И он бы выбил из головы мастера любую Полярную звезду, но за миллионную долю секунды до соприкосновения его кулака с Витиными мозгами Витя очнулся и хотел бы крикнуть, что нельзя! Нельзя бить! Нельзя убивать! Нельзя! Нельзя! Нельзя! – хотел бы крикнуть он. Но увы! Тело нас не спрашивает. Наше тело само принимает решения. Витя за миллионную долю секунды уклонился от удара и той же головой, с теми же думающими мозгами, страшно ткнул хулигана в горло.

Отчего хулиган упал, дернулся и затих, мертво глядя на всё ту же Полярную звезду. Но ему не было дано увидеть Полярную звезду и ее неземной свет. Он упал, дернулся и затих, потому что он был мертв.

Или убит. Я не знаю. Не знал и художник. Он посмотрел на тело бывшего хулигана. Он втянул голову в плечи, и он тихо ушел прочь, домой, на квартирку, в уголок, который он снимал у бабушки-татарки. Среди саманных домиков и грязи, на берегу вонючей речки Качи.

Далеко за полночь он еще рисовал, а утром следующего дня проснулся внешне спокойным человеком и никогда справок о трагедии на висячем мосту не наводил. А и чего их наводить? Таких диких случаев в те далекие годы было очень много, а слухов – и того больше. Он проснулся спокойным человеком.

И не берусь прямо утверждать, но вроде бы с того-то дня и началось его головокружительное восхождение. Уж ясно, конечно, что не сразу зримо с того дня. Но с отличием было закончено художественное училище, но тут началась Академия художеств, но тут потом дипломы пошли, и папки красные, и отличия, и третьи места, и вторые места, и первые места.

Вот. А он уже немного стал старенький и как-то раз вечером включил транзисторный приемник и слышит: награжден-де премией Нобеля художник Витя из Советского Союза. Он тогда, конечно, очень обрадовался и вышел на балкон своей квартиры на одной московской улице. Вышел освежиться, чтобы радость его улеглась или приняла приличное направление.

– Все-таки и я кое-чего достиг в этой жизни, – солидно сказал он сам себе, и тут ему стало чего-то страшно. И тоскливо и холодно стало, несмотря на июльское время. И он опять поднял голову, и опять увидел эту Полярную звезду. И опять Полярная звезда в упор и горько глядела на свою заблудшую Землю. И опять все корчилось и болело.

– Что? Что? – шептал художник. – Что? Что? – шепотом повторял он, пятясь и спотыкаясь. – Что? Что? – все бормотал он. А потом уж и не бормотал. Потом он уже молча и тихо сел в самолет и полетел из Москвы в сторону, совершенно противоположную Швеции, а именно – в Сибирь.

Молча и тихо сошел он по трапу и тихо, и молча, и плача он быстро шел туда, к висячему мосту. Он шел плача, и слезы плавили ему глаза. И глаза поэтому не могли видеть ничего: ни новостроек, которые вылезли из-под земли как грибы; ни лиц, озаренных радостью нашей эпохи; ни самой радости нашей эпохи не видели глаза плачущего человека.

Но потом слезы кончились, и он увидел, что висячего моста уже нет, а на его месте построен новый мост, каменный.

Слезы кончились. Художник стал сух. Он немного постоял. Потом снял свою хорошую одежду. Нагой, он связал ее в узел и утопил. Нагой, он тихо ступил в мутные струи вонючей речки. Нагой, он стоял, дрожа и сказал слово. И слово это было – о, пожалуйста, не смейтесь! – слово это было «пфимпф».

– Пфимпф, – тихо сказал художник и медленно поплыл.

Его (разумеется, совершенно случайно) никто не видел, почему потом и не искали. Обезображенный труп его нашли потом туруханские рыбаки, но какое им было до него дело?

А если вы спросите, откуда я сам тогда все это знаю, то я вам на это ничего не отвечу. Я вам другое скажу: никто ничего не знает. Не знает, кто мертв, кто жив, а кто еще не родился. Никто ничего не знает. Всех нас надо простить. Я не шучу. Я еще не сошел с ума.

Мне очень нравится, как читает этот рассказ в своих программах Сергей Юрский (р.1935). Я считаю, что он читает лучше, чем я написал.

Кирзовые сапоги - Кирза – дешевый материал на многослойной тканевой основе, пропитанный специальными веществами. Шел, в основном, на производство солдатских сапог.

...на берегу вонючей речки Качи... – теперь эту речку облагородили, взяли в бетон, а тогда этот район славился своими криминальными элементами. Вот народная сибирская песня:

Вечер наступает

Блатной идет домой.

А качинская шпанка

Кричит: «Блатной, стой!».

– **Пфимпф**, – тихо сказал художник и медленно поплыл. - Слово «пфимпф» самолично изобретено мною. Сергей Юрский рассказывал мне, что для него, как для чтеца, эта фраза очень важна. Если при произнесении этой фразы в зале стоит мертвая тишина – он своим мастерством выиграл соревнование у зрителей, если смеются - проиграл.

© Е.А. Попов.

Фото Евгения Попова работы Василия Попова предоставлено Е.А. Поповым.